

Научная статья

УДК 340.15

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).231-238

EDN NUETIM

Правовое регулирование брачно-семейных отношений в Российской империи в XVIII–XIX веках: взаимодействие источников права

Ирина Викторовна Минникес

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена источникам, регулирующим вопросы брака и семьи в Российской империи в XVIII–XIX веках. Рассматривается проблема урегулирования брачно-семейных отношений в условиях воздействия норм нескольких источников права. Установлено, что в XVIII–XIX веках нормы соответствующей направленности содержались в религиозных текстах, нормативных актах и обычаях. Иногда одна и та же ситуация подпадала под действие норм сразу нескольких источников права, например закона и религиозного текста, нормативного акта и обычая. Если возможно установить иерархию источников, такая ситуация разрешалась легко. Но брачно-семейная сфера отношений в рассматриваемый период начала выходить из-под контроля церкви, поэтому однозначно поставить религиозный текст выше нормативного акта нельзя. Кроме того, политика веротерпимости и определенной национальной толерантности Российской империи в данный период сохранила влияние и за национальным обычным правом. Выявлено, что в юридической практике Российской империи разработано несколько алгоритмов разрешения таких проблем. Один из алгоритмов – это сотрудничество источников права. Сотрудничество подразумевало совместное действие нескольких норм из разных источников права. Например, сотрудничество могло понадобиться при заключении брака, поскольку в начале XIX века церковный брачный возраст оставался 13 лет для девушек и 15 лет для юношей, а закон установил минимальный возраст в 16 и 18 лет. Другой пример – это сотрудничество закона, который разрешал наследовать только законным детям, и обычая, считающего законными детей, рожденных до брака.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

источники права Российской империи, российское право XVIII века, российское право XIX века, брачно-семейное право, брачный возраст

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Минникес И.В. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в Российской империи в XVIII–XIX веках: взаимодействие источников права / И.В. Минникес. – DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).231-238. EDN NUETIM // Академический юридический журнал. – 2026. – Т. 27, № 2. – С. 231–238.

Original article

Legal regulation of marriage and family relations in the Russian Empire in the XVIII-XIX centuries: interaction of sources of law

Irina V. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, Russia
ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

ABSTRACT

The article is devoted to the sources of law regulating the of marriage and family in the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries. The article considers the problem of the settlement of marital and family relations under the influence of the norms of several sources of law on this sphere. It has been established that in the XVIII–XIX centuries the norms of the corresponding orientation were contained in religious texts, legal acts and customs. Sometimes the same situation was subject to the norms of several sources of law at once, for example, law and religious text, or legal acts and customs. If it was possible to establish a hierarchy of sources, this situation was easily resolved. But during the period under review, the marital and family sphere of relations began to get out of the control of the church, so it is impossible to unambiguously put the religious

© Минникес И.В., 2026

text above the legal act. In addition, the policy of religious tolerance and a certain national tolerance of the Russian Empire during this period retained the influence of national customary law. It is revealed that several algorithms for solving such problems have been developed in the legal practice of the Russian Empire. One of the algorithms is the cooperation of law sources. Cooperation implied the joint operation of several norms from different sources of law. For example, cooperation might be necessary when entering a marriage, since in the early 19th century the church's marriage age remained 13 for girls and 15 for boys, and the law set the minimum ages at 16 and 18. Another example is the cooperation between the law, which allowed only legitimate children to inherit, and the custom, which considered that children born before marriage are legitimate.

KEYWORDS

sources of law of the Russian Empire, Russian law of the XVIII century, Russian law of the XIX century, marriage and family law, age of marriage

FOR CITATION

Minnikes I.V. Legal regulation of marriage and family relations in the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries: interaction of sources of law. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*. 2026;27(2):231–238. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(2).231-238. EDN: NUETIM.

Введение

Вопрос о правовом регулировании брачно-семейных отношений всегда находился в поле зрения юридической науки. Различные аспекты брачно-семейных отношений разбирались как в контексте современного состояния, в частности, проблем поощрения рождаемости, усыновления, поддержки многодетных семей и т.п., так и в русле исследования пути, пройденного русским брачно-семейным правом, как в целом [1; 2], так и в рамках конкретного института и на определенных этапах исторического развития [3; 4].

Одна из проблем, которая всегда встает перед исследователями при использовании диахронного метода изучения правового регулирования вопросов семьи и брака — это проблема источников брачно-семейного права, а точнее, проблема их взаимодействия между собой.

В современной России этот вопрос уже не имеет актуального звучания. В силу несомненного и подавляющего приоритета нормативного правового акта в нашем праве просто нет иных официально признанных источников, способных хоть в какой-то мере составить конкуренцию законодательству (исключение составляют только «правила международного договора», предусмотренные статьей 6 Семейного кодекса РФ¹, но сфера их применения несравнима с внутрисударственным правовым полем, урегулированным законодательством). Фактически с Кодекса законов о браке, семье и опеке, принятого ВЦИК 19 ноября 1926 года и введенного в действие с 1 января 1927 года, начала отсчет эпоха моноисточникового регулирования брачно-семейных отношений.

Применительно к праву России на более ранних этапах развития проблема источников брачно-семейного права была весьма актуальна, особенно

в тех случаях, когда нормы разных источников регулировали одну и ту же жизненную ситуацию. История российского брачно-семейного права предоставляет множество таких примеров. В частности, в период перехода от язычества к православию и длительное время после официальной смены духовных устоев церковный брак соседствовал с «умычкой», т.е. похищением, и с «продажей», моногамия, одобренная новой религией, не исключала вступления в новый брак при нерасторгнутом прежнем и т.п. При этом неодобряемые православием деяния вполне укладывались в модели языческого семейного союза, поэтому квалифицировать их как преступные можно только с точки зрения церкви, но не общества в целом.

Каким образом разрешались конфликты между старыми и новыми установками? Как общество реагировало на конкретные ситуации, и чью сторону занимало государство в данном конфликте?

Исследование этой проблемы в историческом контексте может быть ценным опытом, вполне пригодным для разрешения таких конфликтов в других сферах правового регулирования. Правда, проблема слишком объемна, чтобы разрешить ее в рамках статьи. Поэтому в настоящей работе исследован лишь один ее аспект — взаимодействие правовых регуляторов в рамках ограниченного временного интервала.

Хронологические рамки исследования (XVIII–XIX века) выбраны по нескольким соображениям.

Во-первых, с XVIII века государство стало активно вторгаться в сферу брачно-семейных отношений, «разбавляя», а иногда и заменяя религиозные тексты нормативными правовыми актами. Это, в свою очередь, дает возможность увидеть воочию официальную позицию государства по отношению к проблемам брака и семьи. При этом позиция государства не всегда идентична позиции церкви, следовательно, на этой почве возможны разночтения между правилами, провозглашен-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

ными в религиозных текстах и предписаниями законодательства. Во-вторых, данный период ознаменован введением в состав государства новых территорий и, как следствие, имплементации в правовой оборот как национальных религиозных норм, так и национальных родовых обычаев. При этом политика государства, по крайней мере на начальном этапе, строилась на основаниях веротерпимости и принятия национальных особенностей без их подавления. В частности, согласно словам указа «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя всё сие светским начальствам», Екатерина II объявила: «какъ Всевышній Богъ на земле терпитъ всё въры, языки и исповеданія, то и Ея Величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его Святой волю, и въ семь поступать изволить, желая только, чтобъ между подданными Ея Величества всегда любовь и согласіе царствовали»².

Кроме того, в известном Уставе об управлении инородцами 1822 года официально признано, что «Кочующіе управляются по степнымъ законамъ и обычаямъ, каждому племени свойственнымъ» (§ 35)³. Это, в свою очередь, также порождало вопросы о правовых приоритетах между законодательством и национальными источниками права в брачно-семейной сфере.

Цель исследования – выявление особенностей правового регулирования брачно-семейных отношений в условиях воздействия на данную сферу норм нескольких источников права.

Нормативную базу работы составили нормативные правовые акты Российской империи XVIII–XIX веков, регулирующие вопросы брака и семьи, а также нормы обычаев и религиозных текстов.

Методологическую основу работы составляют общенаучные (исторический, логический, системный) и частнонаучные методы. Среди последних особая роль отведена собственно юридическим методам. С помощью сравнительно-правового метода выявлены сходство и отличия современных и имперских источников права, регулирующих вопросы брака и семьи. Формально-юридический метод позволил глубже исследовать и оценить нормы и источники права, их взаимосвязь и внутреннее единство с общей правовой политикой государства.

² Полное собрание законовъ Российской Имперіи съ 1649 г. Собрание Первое (далее – ПСЗРИ. Собр. I). Т. 19. СПб., тип. II отд. СЕИВК, 1830. № 13996. С. 775–776.

³ ПСЗРИ. Собр. I. Т. 39. СПб., тип. II отд. СЕИВК, 1830. № 29126. С. 396.

Анализ нормативных и эмпирических источников

Отраслевое деление русского права было сформировано в XIX веке. Но, как известно, до революции брачно-семейное право не было самостоятельной отраслью. Семейные отношения были включены в Свод законов Российской империи (далее – Свод) как часть Законов гражданских (Том X). Правда, следует отметить, что в оглавлении Книги 1 данного тома все-таки указано на особое положение норм о браке и семье. Более того, Законы гражданские даже начинаются с раздела «О правах и обязанностях семейственных». Можно заключить, что законодатель осознает важность данной сферы отношений, но, тем не менее, не позиционирует ее как самостоятельную.

Исходя из этого факта, можно предположить, что источники брачно-семейного и гражданского права (в его современном объеме) являются общими.

В реальности же, несмотря на усилия законодателей XVIII–XIX веков, перенести эти отношения в светскую плоскость полностью не удалось. Поэтому в брачно-семейной сфере, в отличие от сферы имущественных и обязательственных отношений, источники несколько своеобразны.

В гражданском праве XIX века между собой конкурируют два источника – нормативный правовой акт и правовой обычай. «Известно, что громадное большинство нашего населения руководится, в сфере частных гражданских отношений, не писанным законом, а правилами, слагавшимися путем обычая и во многом несогласными с началами законодательства. Сам закон признал за этими правилами силу действующих юридических норм, предоставив ближайшим к массе населения органам юстиции разрешать спорные дела на основании местных юридических обычаев». Если «писаному закону» отдано все гражданское право общегосударственного уровня, то правовой обычай действует на уровне крестьянского сообщества [5, с. 3].

Во-первых, весьма сильную конкуренцию нормативным правовым актам в брачно-семейных правоотношениях составлял такой источник права, как религиозные тексты. Поэтому вопрос об исходе дела при их противостоянии был неоднозначным.

Во-вторых, огромное влияние на данную сферу отношений имели родовые обычные нормы. Чаще всего законодатель не вторгался слишком глубоко во внутрисемейные отношения территориально и национально обособленных коллективов. В некоторых случаях сам законода-

тель признавал самобытность и автономию таких общностей: «Каждому племени и народу, не включая и язычников, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона, или по принятымъ обычаямъ...» (статья 70)⁴.

Но когда такое исключение не прописывалось, ситуация существенно менялась. Как решался вопрос, если конкретную проблему регулировали одновременно предписания двух источников?

С точки зрения современной теории государства и права подсказкой для разрешения данной ситуации могут стать принципы разрешения коллизий [6; 7]. Если рассмотреть, например, нормативный акт как вершину иерархии источников, то проблема столкновения норм будет снята.

Трудность заключается в том, что теоретики права ограничили действие этих принципов исключительно урегулированием столкновений между предписаниями нормативных правовых актов, а в данном случае речь идет о столкновении норм разных источников права.

Возможную подсказку могли бы дать работа В.А. Толстика, посвященная непосредственно иерархии источников права «Иерархия источников российского права», а также коллективная монография «Иерархия и координация источников права: теоретические и сравнительные аспекты» [8; 9]. Однако их содержание и рекомендации, предлагаемые авторами коллективной монографии в виде законопроекта «Об источниках права», применимы только к современному праву и вряд ли способны помочь в разрешении дел, лежащих в ином темпоральном поле. В источниках российского брачно-семейного права такой иерархии нет.

Как представляется, практика XVIII–XIX веков предлагает не только привычный современному юристу способ разрешения коллизии через установления иерархии, но и иные варианты. Это *временное изъятие* и *сотрудничество* нормативных предписаний.

Механизм временного изъятия допускал отступление от норм российских законов в пользу иных источников права, но как исключительную меру. «Необходимо признать, что российское самодержавие в различные периоды с различной степенью эффективности, прибегало к компромиссу, используя временные изъятия из имперского законодательства. Эти изъятия позволяли применять некоторые нормы обычного права,

при условии, что они органично укладывались и соответствовали российскому законодательству» [10, с. 18].

Сотрудничество не предполагало обнуления норм каких-либо источников права, а давало дорогу их совместному действию. Как инструмент разрешения многозначных ситуаций, оно вряд ли было действенным в отношении уголовно-правовых деяний. Однако в сфере семейных отношений давление нормативного правового акта менее авторитарно, поэтому успешный исход дела, основанный на сотрудничестве норм, вполне вероятен.

Пример такого сотрудничества законодательства и религиозного текста — это, в частности, практическое решение проблемы неоднозначности предписаний, регулирующих возраст вступления в брак.

С внедрением христианства на русское население стали распространяться нормы Эклоги Льва III Исавра и Прохирона Василия I Македонянина, воплощенные в канонические издания, известные как Кормчие. Фактически новая церковь взяла на себя задачу инкорпорирования этих норм на территориях русского княжения. Брачный возраст в Эклоге был установлен так: 13 лет для девушек и 15 — для юношей: «У христиан брак заключается либо в письменной, либо в устной форме между мужчиной и женщиной, (каждый) из которых находится в возрасте, соответствующем союзу, — для мужчин начиная с пятнадцати лет, для женщин — с тринадцати лет, по обоюдному их желанию и с согласия родителей» (статья 1, Титул II). Прохирон же установил возрастную планку еще ниже — 12 и 14 лет соответственно. В дальнейшем уже русский церковный акт — Стоглав 1551 года — анонсировал «компромиссный вариант» возраста — 12 и 15 лет: «А венчали бы отрока пятнадцати лет, а отроковицу двенадцати лет по священным правилом. А меньши бы отрока пятнадцати лет не венчали» (глава 18). Попытки Петра I повысить брачный возраст носили либо узконаправленный характер, нацеленный только на определенные категории государственных служащих, либо имели строго сословную ориентацию. Кроме того, эти новеллы, как и инициативы Екатерины II, не имели массового долгосрочного эффекта.

В начале XIX века из-за возрастного критерия действительности брака сложилась противоречивая ситуация, в которой были задействованы нормы двух источников права — закона и религиозного текста.

Церковь издавна разрешала браки по достижении 13 и 15 лет соответственно. Толь-

⁴ Сводъ законовъ Россійской имперіи, повеленіемъ государя императора Николая Павловича составленный. Т. X. Сводъ законовъ гражданскихъ и межевыхъ. Ч. 1 Законы гражданскіе. Кн.1 О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. СПб., тип. II Отд.С.ЕИВК, 1832. 754 с.

ко Именной указ императора, датированный 19 июля 1830 года, «О воспрещеніи Священникамъ вѣнчать браки, если женихъ и невѣста не достигли еще: первый — 18-ти, а послѣдняя — 16-ти лѣтъ»⁵ потребовал, чтобы Святейшій Синод «не оставилъ» «учинить по сему зависящее отъ него распоряженіе». Однако в силу сложившейся практики столь «позднее» бракосочетание не приветствовалось и венчались браки в более раннемъ возрасте. Г.Ф. Шершеневич, со ссылкой на Уставъ духовныхъ консисторій, отмечал, что «бракъ, совершенный вопреки установленной нормѣ, признается недействительнымъ сам по себе» [11, с. 412], но тут же указывал на другое правило: несмотря на недействительность, разлучение супруговъ происходитъ только по просьбѣ несовершеннолетней стороны, а если не достигшие гражданскаго совершеннолетия супруги уже ожидаютъ ребенка, бракъ остается в силѣ.

С этихъ позицій можно ли считать действительнымъ бракъ, например, между 15-лѣтними?

Настаивая на иерархійи нормъ светскаго и церковнаго источниковъ, дело разрешить трудно, не вызвавъ недовольство светской власти, если признать законнымъ бракъ лицъ, не достигшихъ возраста 16—18 лѣтъ, и не встретившись съ противодействиемъ церкви, если венчаннй в церкви бракъ объявить не имеющимъ юридической силы.

На практикѣ в такихъ случаяхъ сотрудничество религіозныхъ и законодательныхъ предписаний давало значительно лучшие результаты: бракъ, заключенный до гражданскаго, но после церковнаго совершеннолетия оставался в силѣ, а если брачующіеся не достигли его, ихъ разлучали до указаннаго закономъ совершеннолетия (16—18 лѣтъ), после чего вопросъ о бракѣ решался окончательно.

Другой примеръ связанъ съ требованіемъ отсутствія родства (кровнаго или духовнаго) между вступающими в бракъ. Согласно положеніямъ Свода законовъ, «Запрещается вступать въ бракъ въ степеняхъ родства и свойства, церковными законами возбраненныхъ» (статья 14). В соответствии съ Синодскимъ Указомъ «О степеняхъ родства и свойства духовнаго (кумовства), бракъ воспрещаются, и объ обязанности Епархіальныхъ Архіереевъ представлять Св.Синоду о бракахъ вѣнчаннхъ въ степеняхъ воспрещенныхъ» отъ 19 января 1810 года запрещались браки между родственниками, находящимися в кровномъ родствѣ по прямой линіи (восходящей и нисходя-

щей) и по боковымъ линіямъ до четвертой степени родства включительно [12, с. 60].

Казалось бы, норма достаточно определенная. Но у некоторыхъ народностей, населяющихъ Россійскую имперію, обычаи несколько отличались.

Например, одновременно заключенный «перекрестный» («обменный»), бракъ в принципѣ не нарушалъ запрета: «Особую форму заключенія брака представлялъ собой такъ называемый обменный бракъ — обменъ невестами, носившій названіе “кайчы-куда” (“перекрестные сваты”). Семьи обменивались дочерьми, выдавая ихъ замужъ за сыновей другой стороны, или, например, одинъ человекъ отдавалъ дочь за сына другого, а тотъ отдавалъ свою сестру за брата перваго» [13, с. 84]. Практика обмена сторонами брака между родовыми общинами «приводила къ тому, что обе родовые организации становились кровнородственными», но при этомъ брачнымъ партнеромъ выступала община в целомъ, «еѣ членовъ не считали кровными родственниками» [14, с. 611].

Кроме того, у некоторыхъ народностей родство до седьмого колена прослѣживалось только по мужской линіи, по женской же учитывалась только до второй степени [15, с. 51—52; 16, с. 63]. Исходя изъ этойъ обычной нормы, браки родственниковъ по женской линіи фактически можно рассматривать какъ действительные.

Множество примеровъ сотрудничества предоставляетъ институтъ наследованія. Например, законодатель в Сводѣ законовъ (томъ X) четко определилъ, что «Незаконныя дѣти, хотя бы они воспитаны были ихъ родителями, не имѣютъ права ни на фамилію отца, ни на законное послѣ него въ имущество наследствѣ (статья 93). Такимъ образомъ, дѣти, рожденные вне брака или вследствие прелюбодеянія, согласно закону, не могутъ претендовать ни на имущество, ни на место в семьѣ отца (исключеніе составляютъ узаконенныя дѣти).

Но если оценить действительность даннаго запрета в национально-региональномъ масштабѣ, картина будетъ несколько иная: для обычаевъ многихъ народностей не существовало «такъ называемыхъ «незаконнорожденныхъ» дѣтей» [17, с. 235]. Дѣти, рожденные женой во время отсутствія еѣ мужа или даже черезъ несколько лѣтъ после его смерти, юридически считались потомками мужа и пользовались всеми правами законнорожденныхъ дѣтей: «рожденіе в девичествѣ дитяти не позоритъ», это «желательное свидѣтельство несомненной пригодности ... девушки къ брачной жизни» [18, с. 25].

У якутовъ дѣти, рожденные до прихода жены в домъ мужа, считаются законными, даже если

⁵ Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Собраніе Второе. 12 декабря 1825—28 февраля 1881 гг. Т. 5. 1830. Отделеніе I. СПб., тип. II отд. СЕИВК, 1831. № 3807.

родители не были обвенчаны; все дети, родившиеся в браке, считаются детьми мужа матери. Если муж и жена живут в одном доме, то муж не вправе отказаться от детей, рожденных его женой [19, с. 125]. Поэтому неудивительно, что дети, которые с точки зрения законодательства не имели никаких прав, в соответствии с обычаями допускались к семейному очагу и часто претендовали не просто на долю в наследстве, а на социально-имущественный статус полноправного члена семьи.

Еще один пример сотрудничества норм разных источников права связан с регламентацией усыновления. Согласно российским законам цели и порядок усыновления зависят от сословной принадлежности. Механизм усыновления детей податными лицами предусмотрен в особых статьях Свода: «Для лиц податныхъ состояній усыновленіе замъняется припискою къ семействамъ (ст. 105) «Мъщане, крестьяне казеннаго ведомства и свободные хлѣбопашцы могутъ приписывать къ своимъ семействамъ приѣмлемыхъ ими на воспитаніе подкидышей, непомнящихъ родства и сиротъ всѣхъ податныхъ состояній безъ различія, равно какъ и непомнящихъ родства, круглыхъ сиротъ» (статья 107).

На практике данная норма дополняется правилами, сложившимися как обычаи определенных местностей и народностей. Многие народы воспринимают отсутствие детей не только как личную трагедию, но и как общеродовое бедствие: «Среди бурят – монголов бездетность считается большим несчастьем и непоправимым позором. «Умереть и отойти в вечную жизнь к своим предкам, запереть дверь, пустить в разорение и развѣяние свою усадьбу и священный для него домашний очаг, остаться без наследника и продолжателя рода, быть забытым после смерти людьми и обществом составляет неискупимым наказанием и постыдным позором» [20, с. 171]. Поэтому неудивительно, что в этой среде процветает институт усыновления.

Однако норма закона, учитывая национальную специфику, может преломляться довольно прихотливо. Огромную роль для правоприменителей сыграли нормы Селенгинского Уложения 1775 года⁶ и Хоринского Уложения 1808 года.

Например, известно, что буряты усыновляли не только подкидышей и сирот, как того требовал закон, «...усыновлялись племянники, внуки даже

при наличии собственных детей» [21, с. 68]. При этом способом восполнения семьи могла стать покупка: «Сплошь и рядом случается, что русские девушки, избегая позора, тайно родят детей и за ничтожную плату скупают их бурятам; плата эта не превосходит трех, пяти рублей. Купленные таким способом дети объявляются как бы родившимися от бурятки и официально вносятся в семейные инородческие списки» [18, с. 26].

Как отмечает Л.Г. Свечникова, «усыновление в среде кавказских горцев практически не применялось. К классическому усыновлению близок институт усыновления внука дедом, для признания за первым права на наследование семейного имущества, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола» [22, с. 24]. В этом случае норма обычая также находится в состоянии сотрудничества с правилами, отраженными в законе.

Обобщение и выводы

Подводя итоги, можно заключить, что на сферу брачно-семейных отношений в XVIII–XIX веках распространялось влияние трех источников права. Это нормативный правовой акт, религиозный текст и обычное право крестьянских и «инородческих» сообществ.

Каждый конкретный случай двойного, а то и тройного (по количеству задействованных источников права) регулирования мог стать как ареной конкурентной борьбы, так и формой взаимосоглашения и сотрудничества. В первом случае требовалось установить иерархическое положение каждого источника права с учетом времени, местности, социальной принадлежности и ряда иных факторов. Второй вариант – сотрудничество – не требовал столь сложных процессов, поэтому был не только удобнее, но и эффективнее. Правда, в этом случае идея, заложенная в норме, могла быть несколько «подогнана» под возможную сотрудничающую норму. Так, обычное право мордвы признает брак «уходом», но это «значительно расходилось с положениями законодательства, согласно которым для венчания молодых священнику было необходимо выполнить ряд требований, как то: оглашение в церкви, осуществление по всей форме свадебного обыска, публикация его результатов в метрических книгах»; но тем не менее, священники мордовских сел смирились с такой ситуацией: «нынешние самохотки – законные свадьбы, не бывает у мордвы только оглашения в церкви, но оно по причине свадебных мордовских обычаев совершенно невозможно» [23, с. 129–132].

⁶ Селенгинское уложение 1775 года – первый, самостоятельный и наиболее важный источник обычного права, во многом оказавший формирующее влияние на дальнейшее развитие нормативной культуры бурятского народа.

В дальнейшей перспективе сотрудничество разных источников права могло развиваться как по пути усиления одного источника в пользу другого, так и в сторону интеграции. Примеров последней достаточно много: «с середины XIX века адат, шарият и российское позитивное право ста-

новятся частями единой системы правового регулирования брачно-семейных отношений в Дагестане» [24, с. 9]; «интеграция обычного права бурят в правовую систему Российской империи сопровождалась систематизацией национальных обычаев» [25, с. 235].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории / Н.С. Нижник. – Санкт-Петербург : Р. Асланов, 2006. – 270 с. – EDN QWQLQD.
2. Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / П.Л. Полянский. – Москва, 2016. – 442 с.
3. Жилиева А.А. Правовая политика и практика Советского государства в сфере брачно-семейных отношений: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01, 12.00.03 / А.А. Жилиева. – Орел, 2016. – 199 с.
4. Дементьева Т.Ю. Семейное и наследственное право в Киевской Руси: IX–XII вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.Ю. Дементьева. – Казань, 2006. – 163 с.
5. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России / С.В. Пахман; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2003. – 700 с. – EDN QVRPSH.
6. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве / Н.А. Власенко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 99 с.
7. Гамбарян А.С. Коллизионные нормы и их конкуренция / А.С. Гамбарян, Л.Г. Даллакян. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 160 с. – EDN UOWRMP.
8. Толстик В.А. Иерархия источников российского права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.А. Толстик. – Нижний Новгород, 2002. – 494 с.
9. Иерархия и координация источников права: теоретические и сравнительные аспекты / под ред. А.А. Васильева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. – 396 с.
10. Маремкулов А.Н. Временные изъятия как механизм интеграции обычного права в российское законодательство в XIX веке / А.Н. Маремкулов. – DOI 10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23. – EDN YNWKVI // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 4. – С. 18–23.
11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права : (по изд. 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Фирма «Спарк», 1995. – 556 с.
12. Белова С.Н. Близкое родство и свойство как препятствия к браку / С.Н. Белова. – EDN ZFDIEJ // Социально-политические науки. – 2017. – № 43. – С. 60–63.
13. Тегизбекова Ж.Ч. Формы заключения брака по обычному праву кыргызов / Ж.Ч. Тегизбекова. – EDN MLKJPR // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2010. – Т. 10, № 4. – С. 83–87.
14. Тумурова А.Т. К вопросу о социальном назначении обычая (часть вторая) / А.Т. Тумурова. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(4).606-617. – EDN IFPEOC // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 4. – С. 606–617.
15. Тумурова А.Т. Обычное право бурят по селенгинскому уложению 1775 года : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Т. Тумурова. – Москва, 1998. – 20 с.
16. Тегизбекова Ж.Ч. Регулирование брачно-семейных отношений кыргызов по обычному праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ж.Ч. Тегизбекова. – Бишкек, 2013. – 203 с.
17. Бимбаева О.Л. Институт усыновления в России в XIX – начале XX в. / О.Л. Бимбаева. – EDN ULXQDL // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – 2015. – № 3. – С. 234–237.
18. Дуброва Я.П. Женщина у монголо-бурят / Я.П. Дуброва. – Иркутск, 1885. – 107 с.
19. Кочнев Д. Очерки юридического быта якутов / Д. Кочнев. – Казань : Типо-литография Императорского университета. – 1899. – 176 с.
20. Минникес И.В. Принятие детей в семью: историко-компаративистское исследование / И.В. Минникес, О.Л. Бимбаева. – EDN VCLHXZ // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 5. – С. 168–174.
21. Цибилов Б.Д. Обычное право селенгинских бурят / Б.Д. Цибилов. – Улан-Удэ : Бур. книжн. изд-во, 1970. – 283 с.
22. Свечникова Л.Г. Семейное право горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. Историко-юридическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.Г. Свечникова. – Москва, 1994. – 26 с.
23. Мокшина Ю.Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве мордвы конца XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.07 / Ю.Н. Мокшина. – Саранск, 2003. – 301 с.
24. Ашурбекова А.А. Формирование системы правового регулирования брачно-семейных отношений в Дагестане в XIX веке : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Ашурбекова. – Казань, 2011. – 182 с.
25. Бимбаева О.Л. Интеграция обычного права бурят в правовую систему Российской империи / О.Л. Бимбаева. – EDN QAQXQN // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 2 (18). – С. 235–236.

REFERENCES

1. Nizhnik N.S. *Legal Regulation of Family and Marriage Relations in Russian History*. Saint Petersburg, R. Aslanov Publ., 2006. 270 p. EDN: QWQLQD.
2. Polyanskii P.L. *Legal regulation of marriage and family relations in Russian society: the history of the formation of the branch of family law*. *Doct. Diss.* Moscow, 2016. 442 p.
3. Zhilyaeva A.A. *Legal policy and practice of the Soviet State in the field of marriage and family relations: historical and legal research*. *Cand. Diss.* Orel, 2016. 199 p.
4. Dement'eva T.Yu. *Family and inheritance law in Kievan Rus: IX–XII centuries*. *Cand. Diss.* Kazan', 2006. 163 p.
5. Pakhman S.V. *Customary civil law in Russia*. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. 700 p. EDN: QVRPSH.
6. Vlasenko N.A. *Conflict of laws rules in Soviet law*. Irkutsk State University Publ., 1984. 99 p.
7. Gambaryan A.S., Dallakyan L.G. *Collision Norms and Their Competition*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 160 p. EDN: UOWRMP.
8. Tolstik V.A. *Hierarchy of sources of Russian law*. *Doct. Diss.* Nizhni Novgorod, 2002. 494 p.
9. Vasil'ev A.A. (ed.). *Hierarchy and Coordination of Sources of Law: Theoretical and Comparative Aspects*. Barnaul, Altai State University Publ., 2023. 396 p.
10. Maremkulov A.N. Temporary Exemptions as a Mechanism for Integrating Customary Law Into Russian Legislation in the 19th Century. *Severo-kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, 2024, no. 4, pp. 18–23. (In Russian). EDN: YNWKVI. DOI: 10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23.
11. Shershenevich G.F. *Textbook of Russian Civil Law*. Moscow, Spark Publ., 1995. 556 p.
12. Belova S.N. Blood Relationship and Relationship By Marriage as an Obstacle to Marriage. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Sociopolitical sciences*, 2017, no. 43, pp. 60–63. EDN: ZFDIEJ.
13. Tegizbekova Zh.Ch. Forms of marriage under Kyrgyz customary law. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Clavyanskogo universiteta = Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 2010, vol. 10, no. 4, pp. 83–87. (In Russian). EDN: MLKJPR.
14. Tumurova A.T. On the Social Purpose of Custom (Part Two). *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2025, vol. 26, no. 4, pp. 606–617. (In Russian). EDN: IFPEOC. DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(4).606-617.
15. Tumurova A.T. *Customary Law of the Buryats According to the 1775 Selenga Code*. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 1998. 20 p.
16. Tegizbekova Zh.Ch. *Regulation of marriage and family relations of Kyrgyz under customary law*. *Cand. Diss.* Bishkek, 2013. 203 p.
17. Bimbaeva O.L. Institute of Adoption in Russia in XIX – Beginning of XX Century. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya = Bulletin of Novosibirsk State University of Economics and Management*, 2015, no. 3, pp. 234–237. (In Russian). EDN: ULXQDL.
18. Dubrova Ya.P. *The Mongol-Buryat woman*. Irkutsk, 1885. 107 p.
19. Kochnev D. *Essays on the legal life of the Yakuts*. Kazan, Tipo- litografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1899. 176 p.
20. Minnikes I.V., Bimbaeva O.L. Adoption of Children in Family: Historical Comparative Study. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2015, no. 5, pp. 168–174. (In Russian). EDN: VCLHXZ.
21. Tsibikov B.D. *Customary law of the Selenga Buryats*. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing House, 1970. 283 p.
22. Svechnikova L.G. *Family law of the highlanders of the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries*. *Historical and legal research*. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 1994. 26 p.
23. Mokshina Yu.N. *Marriage and family relations in the customary law of Mordovia in the late 19th – early 20th centuries*. *Cand. Diss.* Saransk, 2003. 301 p.
24. Ashurbekova A.A. *Formation of the system of legal regulation of marriage and family relations in Dagestan in the 19th century*. *Cand. Diss.* Kazan, 2011. 182 p.
25. Bimbaeva O.L. The Integration of Common Law of the Buryat People to the Legal System of the Russian Empire. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Idea*, 2013, no. 2, pp. 235–236. (In Russian). EDN: QAQXQN.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Викторовна Минникес – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. Researcher ID: E-6361-2017; SPIN -код: 6729-1412.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Minnikes – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legal Studies. Baikal State University. 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russia. Researcher ID: E-6361- 2017; SPIN-code: 6729-1412.

Поступила в редакцию / Received 20.04.2026

Доработана после рецензирования / Revised 18.05.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026